

Прежде чем Чу Фэнцин потерял сознание, ему показалось, что он слышит голос Цзи Юйцзиня. Тот наклонился и что-то прошептал ему на ухо, но голос был таким неясным, что он не мог его разобрать.

Существует много взглядов на смерть. Одни верят, что после смерти мы продолжаем существовать в другой форме и что есть загробная жизнь; поэтому многие давали обещания на будущую жизнь. Другие верят, что после смерти сознание угасает, что с этого момента ты больше не существуешь в этом мире, что ты больше не способен чувствовать его тепло или холод, его любовь или печаль.

Совсем как струйка дыма, она исчезает без следа, когда её сдувает ветер.

Цзи Юйцзинь никогда не придерживался первой мысли. Что хорошего в том, чтобы быть человеком? Ему хватило этой жизни, и он не хочет другой загробной жизни, так что пусть он просто исчезнет, когда умрёт.

Но теперь... он сидел перед кроватью Чу Фэнцина с легко прикрытыми глазами и спокойным выражением лица. Это был пятый день, как тот принял лекарство, но он всё ещё не проснулся.

Никто не может ему помочь, он может полагаться только на себя.

Никто не знает, когда он проснётся, и... проснётся ли он вообще.

Цзи Юйцзинь потёр мочку уха, и она мгновенно покраснела. Смотри, он всё ещё жив.

Он много думал в эти дни. Если Чу Фэнцин не сможет проснуться, он останется с ним до конца своей жизни, но, пожалуйста, дай им следующую жизнь и дай Чу Фэнцину здоровое тело в следующей жизни.

Он был готов отдать всё.

Цзи Юйцзинь нежно поцеловал его в лоб, посмотрел в окно и сказал сам себе:

— Лето пришло.

Особняк Чу, казалось, был окутан тёмным облаком. Даже слуги весь день ходили с опущенными головами и не осмеливались громко шуметь.

Первый летний дождь приходит неожиданно. В один миг солнце может сиять ярко, а в следующий — капли дождя размером с боб могут промочить тебя до костей.

Дождь бил по черепице с хрустящим звуком. После дождя повсюду стоял запах земли. У Чу Чжэньиня в тюрьме развилась болезнь. Каждый раз, когда менялась погода, у него болели ноги, и ему становилось лучше только после акупунктуры.

Он надавил на ноги и подсознательно позвал:

— Циньэр, помоги отцу...

В комнате было тихо. Чу Чжэньинь на мгновение опешил и ничего не сказал. Он повернул голову и посмотрел на дверь. Ветер колыхал газовые занавески, не оставляя ничего.

Он кивнул, словно понял, тупо отвернулся и деревянно поколотил свои ноги. Его виски, которые уже были смешаны с серебряными волосами, казалось, стали ещё белее, а его мутные глаза медленно окрасились кровью и покраснели.

Когда матушка Чу вошла, отец Чу притворился, что повернул голову и смотрит в окно. Матушка Чу слышала, как он кричал у двери, и её глаза покраснели. Она подождала, пока успокоится, прежде чем войти в комнату.

Отец Чу:

— Этот парень всё ещё в комнате Циньэр?

Матушка Чу:

— Да, он охраняет уже больше десяти дней. Если нет необходимости, он почти никогда не уходит.

Чу Чжэньинь сжал кулаки и фыркнул. Он хотел сказать что-то неприятное, но не знал, что сказать.

Матушка Чу прожила с ним столько лет, что, естественно, знала его характер. Она вздохнула и сказала:

— Уже достаточно. В этом ребёнке нет ничего плохого.

— Знаешь, что Циньэр сказал мне в ночь перед отъездом на помощь пострадавшим?

— Что он сказал?

Матушка Чу вспомнила тот день, когда Чу Фэнцин пришёл к ней ночью и сказал:

— Матушка, что ты чувствовала, когда проделала весь путь из Цзяннани из-за тяжёлой болезни отца?

Матушка Чу не ожидала, что он задаст этот вопрос. Подумав немного, она медленно сказала:

— Я волновалась и боялась. Я думала о том, что буду делать, если он умрёт вот так. Я даже думала о том, чтобы последовать за ним.

Чу Фэнцин тихо сказал:

— Матушка и я чувствуем одно и то же.

Тогда она была и впрямь потрясена, но также расслабилась и не стала его останавливать. То, что он пришёл к ней сегодня просить о милости, показывало, что он понял, что было самым важным.

Ей тоже было любопытно, какая девушка нравится Чу Фэнцину, пока перед ней не появился Цзи Юйцзинь.

Она поняла почти мгновенно, что это был тот самый возлюбленный, которого скрывал Чу Фэнцин, потому что взгляд Чу Фэнцина, когда он смотрел на него, совсем нельзя было скрыть.

Матушка Чу помогла отцу Чу помассировать ноги:

— Если Циньэр сможет проснуться, просто прими их.

Чу Чжэньбинь мгновение молчал, а затем сказал:

— Эн.

Пока он счастлив, здоров, беззаботен и свободен от болезней и бед, ничто другое не имеет значения.

Лето пришло тихо и ушло тихо.

Однако осенняя жара сильна, и погода остаётся очень жаркой.

Яньчэн лежит на юге, где люди всё ещё носят лёгкую летнюю одежду и избегают выходить на полуденное солнце. Прежде чем листья стали золотыми, Яньчэн встретил группу знатных гостей. Ли Юй взял жетон Цзи Юйцзиня и поспешно въехал в город со своей семьёй.

Из-за Чжао Июя.

Постоянное давление со стороны князя Усяня оказывало на него сильное давление. Он взошёл на трон не так давно, а внутренние дела двора ещё не были улажены. Военная власть в его руках в основном находилась в руках его дядей, и эти князья явно не собирались вмешиваться в это дело, так как у них не было ни солдат, ни людей.

У них не было выбора, кроме как найти другой путь и начать реформы. Можно только сказать, что цель и исходная точка были хороши, но время было слишком сжатым. Группа советников никогда на самом деле не водила войска в бой и никогда не приближалась к народу, так какие же хорошие идеи они могли придумать?

Результат, естественно, был провальным. Люди внутри и за пределами города ужасно страдали. Верные министры и мудрые советники предлагали свои советы, но Чжао Июй отказывался их слушать и настаивал на продолжении.

На самом деле это понятно: если бы он не изменился, он был бы обречён, но если бы изменился, мог бы появиться проблеск надежды. Худшим результатом было бы приблизить результат разрушения. Можно только сказать, что предыдущий император сильно его предал, оставив так много «дядей» с военной властью. Даже если бы у него был талант управлять миром, ему также было бы трудно срезать такую большую опухоль за короткое время.

В то время армия князя Усяня побеждала в каждой битве, и советники, стремясь искупить свои ошибки, начали распространять слухи о предателе в городе. Это расследование неизбежно легло на голову Ли Юя. В конце концов, отношения между Ли Юем и Цзи Юйцзинем были очевидны для всех, и на этот раз князь Усянь поднял мятеж, именно Цзи Юйцзинь раздувал пламя.

Ли Юй был заключён в тюрьму, и верный господин Ли больше не мог сидеть на месте. Изначально он хотел стоять на стороне императора, но не ожидал, что Чжао Июй будет таким. Глядя на тело своего сына, полное ран, которое уже не было человеческим, он начал сомневаться в своём выборе.

Если бы это был он в тюрьме, он бы не ушёл, но это был Ли Юй...

Это привело к последующей сцене. После прибытия в Яньчэн Ли Юй долго отдыхал, прежде чем его раны зажили. Однако господин Ли не задержался в Яньчэне надолго и увёз свою семью на юг. После этого случая он больше не хотел вмешиваться в эти дела и просто хотел найти место, чтобы провести остаток своей жизни.

Что касается Ли Юя, господин Ли попросил его остаться, потому что у него были большие амбиции и он не должен был уходить на покой вместе с ним.

На следующий день после прибытия в Яньчэн Ли Юй пошёл навестить Чу Фэнцина со своим

тяжело раненым телом:

— Почему так случилось?

Последняя встреча казалась вчерашним днём. Тогда с ним всё было в порядке, а теперь он не мог отличить горячее от холодного и совсем ничего не чувствовал.

Тонкая летняя одежда постепенно сменилась осенним нарядом, и вскоре люди уже носили толстые зимние одежды.

В этом году произошло много событий.

Самым большим событием была смена династии. Князь Усянь вёл свои войска до самой столицы с неудержимой силой. Чжао Июй защищал город два месяца, но он был наконец пробит, когда выпал первый сильный снег.

Когда новый император взошёл на трон, чтобы показать свою просвещённость, он не убил Чжао Июя, а поместил его под домашний арест в холодном дворце. Несколько других принцев также были заключены в тюрьму, а другие были высланы из дворца в суровые и холодные места.

Цзи Юйцзинь нагрел жаровню так, что она стала очень горячей, делая комнату и улицу двумя разными мирами. Он держал резной нож в одной руке и работал над плоским куском нефрита с замысловатой резьбой. Он казался немного недовольным. Он несколько раз посмотрел на свет и нахмурился.

Он всё ещё бормотал:

— Этот трус Чжао Июй под домашним арестом во дворце, и всё же он жалуется на всё, сочиняя кислые стихи целыми днями. Если бы меня не остановили, я бы давно отправил его на небеса.

— Убить его мечом — значит покончить с этим в одно мгновение, и это не принесло бы удовлетворения, так что лучше держать его запертым вот так.

Цзи Юйцзинь вдруг кое-что вспомнил и приподнял брови:

— Но он всегда держит кусок серебра и говорит всякую чепуху, и всё это связано с тобой. Я не могу этого выносить. Во всяком случае, я забрал серебро обратно. Ты должен будешь дать мне объяснение, когда проснёшься.

Порезав немного, Цзи Юйцзинь отложил нож; вены на тыльной стороне руки, державшей его, вздулись, а глаза опустились, когда он спросил:

— Почему ты такой ленивый?

— Чу Фэнцин, пора просыпаться.

В Яньчэне зимой нет снега, но говорили, что в столице выпало несколько сильных снегопадов. В канун Нового года улицы и переулки были полны людей, покупающих новогодние товары. Запах селитры от петард витал в воздухе. В канун Нового года в каждом доме вывешивают парные надписи и изображения дверных богов.

Цин Няо держал парные надписи, хмурясь:

— Ещё не ровно?

Ли Юй:

— Криво. Как ты можешь даже парные надписи повесить неровно? У тебя глаза кривые? Почему я раньше этого не замечал?

Детское лицо Ли Юя снова полностью округлилось, и его белые зубы и красные губы делали его довольно изящным, но меч на поясе добавлял ему много враждебности.

Слуги рядом не осмеливались говорить. Явно это было правдой: господин Ли не стал бы бросать вызов господину Цзи, поэтому он придирался только к слабым.

Изначально у них не было возможности клеить парные надписи, так как за это отвечали слуги. Но Ли Юй был беспечен с начала и до конца и постоянно провоцировал Цзи Юйцзиня. В результате Цин Няо тоже был наказан, и его заставили клеить парные надписи на всей улице.

Цин Няо с грохотом прижал надпись к стене, проигнорировал его и исчез, повесив её, оставив Ли Юя в ошеломлении:

— Твой хозяин сказал повесить их на всей улице! Не только эту, вернись!

Когда Ли Юй вернулся, Чжао Ли, Цин Няо и несколько его братьев пили и болтали у печи. Ли Юй был так зол, увидев эту сцену, что немедленно выругался:

— Вы просто не люди. Я что, единственный, кто спровоцировал Пса Цзи? Это явно вы все придумали эту идею, но в итоге наказали только меня! Даже мои руки окрасились в красный от красной бумаги.

Чжао Ли откинулся назад от его громкого голоса:

— Ш-ш-ш, Хозяин ведь не будет проверять.

Ли Юй: «.....»

— Откуда мне знать, что он не будет проверять? Я что, не боюсь стать евнухом? Вы, ребята, даже не сказали мне, когда знали об этом. — Ли Юй налил стакан вина и выпил всё одним глотком. Чем больше он думал, тем злее становился. — Нет, я пойду к Цзи Юйцзиню и расскажу ему все ваши преступления.

— Где он сейчас?

Цин Няо взглянул в сторону восточного двора, и в комнате мгновенно стало тихо. Ли Юй крепче сжал винный бокал, перестал шуметь, и в его глазах промелькнула печаль.

Чу Фэнцин живёт в том восточном дворе.

Ночь становилась всё глубже и глубже. Сегодня не так, как обычно. Снаружи ярко горят огни. По обычаю, нужно держать свет включённым всю ночь и бодрствовать.

Матушка и отец Чу были стары, и через некоторое время они уже не могли выдержать и пошли спать.

Чу Иньинь и Чу Фэн изначально хотели остаться вместе в комнате Чу Фэнцина, чтобы отпраздновать Новый год, но прежде чем они успели войти в комнату, они увидели Цзи Юйцзиня, сидящего внутри и пьющего, так что остановились.

Чу Фэн посмотрел на Цзи Юйцзиня через окно с мрачным лицом и через мгновение ушёл вместе с Чу Иньинь. Чу Иньинь повернула голову и посмотрела на Цзи Юйцзиня. Человек в красном сидел на полу, лениво прислонившись к краю кровати, и его чёрные волосы падали на красную одежду. Казалось, он говорил со спящим или говорил сам с собой, не получая никакого ответа.

Когда Чу Иньинь пришла в себя, она уже была в слезах. Она даже не знала, почему плачет.

Ли Юй тоже пришёл повидать Цзи Юйцзиня, но, как и Чу Фэн, ушёл, как только увидел его, и не стал его беспокоить.

Видя, что канун Нового года вот-вот пройдёт, пьяный Цзи Юйцзинь достал из-за пазухи красный саше и положил его рядом с подушкой Чу Фэнцина:

— Новогодний красный карман, ты, ленивое маленькое создание, ты спишь уже почти год.

Он склонил голову набок и легко чмокнул Чу Фэнцина в губы:

— С Новым годом, мой врач Чу.

Как только он закончил говорить, в небе взорвались фейерверки. Сегодня был канун Нового года, а также его день рождения, но единственный человек, который сказал бы ему «С днём рождения», заснул.

«Плюх», Цзи Юйцзинь случайно опрокинул винный кувшин на пол, и вино пролилось на его одежду. Он нахмурился, встал и приготовился переодеться.

В следующий миг он застыл, уставившись на ^{**1} в неверии.

¹В оригинале было с цензурой.

Ресницы Чу Фэнцина дрогнули, и он медленно открыл глаза. Фейерверки, только что взорвавшиеся за окном, отразились в его ясных зрачках. Они были яркими и прекрасными.

В них также отразился Цзи Юйцзинь, одетый в красное.

<http://bllate.org/book/17231/1692231>